

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ КАЛМЫКИИ В 1917–1925 гг.

Law-Enforcement and Judicial Authorities of Kalmykia in 1917–1925

У. Б. Очиров (*U. Ochirov*)¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D of History, Leading Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: utash@elista.ru.

Статья посвящена комплексному изучению истории формирования и трансформации системы правоохранительных и судебных органов Калмыкии 1917–1925 гг. В ходе революции и Гражданской войны они подверглись коренному реформированию и развивались в очень сложных условиях, вызванных как боевыми действиями, так и природно-географическими и социально-экономическими факторами. Полностью и эффективно сеть правоохранительных и судебных органов Калмыкии начала работать лишь после завершения судебной реформы 1922 г.

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы Калмыкии, судебные органы Калмыкии, Гражданская война, борьба с бандитизмом, судебная реформа 1922 г.

The article is devoted to the integrated study of the history of formation and transformation of the system of law-enforcement and judicial authorities of Kalmykia in 1917–1925. During the revolution and Civil War they underwent a radical reformation process and were developing under very difficult conditions caused by combat operations, natural and geographic as well as socio-economic factors. The law enforcement and judicial authorities of Kalmykia began to function effectively and in full measure only after the judicial reform of 1922.

Keywords: history of Kalmykia, the law enforcement authorities of Kalmykia, the judicial authorities of Kalmykia, Civil War, combating banditry, judicial reform of 1922.

История правоохранительных и судебных органов Калмыкии XX века является одной из наиболее слабо изученных тем современной региональной историографии, изобилующей «белыми пятнами». К числу таких «пятен» следует отнести и период 1917–1925 гг., когда в течение нескольких лет, на историческом изломе эпох и при смене общественно-экономической формации, в Калмыкии сменились четыре системы правоохранительных и судебных органов, заметно отличающиеся друг от друга и основанные на разных кодексах законов. Даже специалисты по этому периоду не смогут перечислить все правоохранительные и судебные органы, функционировавшие в Калмыкии в указанные годы. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

До начала революции 1917 г. вся система правоохранительных и судебных ор-

ганов Калмыцкой степи Астраханской губернии, неразрывно связанная с системой управления, основывалась на попечительской системе, основанной на «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗРИ-II: 358–359]. Это положение в свое время принималось как временное, чтобы усилить контроль над калмыцкими нойонами, защитить простолюдинов от произвола улусовладельцев и «управление калмыцким народом... сблизить в правилах и порядке с управлением государственных крестьян... водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями (т. е. с оседлым населением. – У. О.)» [Прозрителев 1912: 40]. После отмены обязательных отношений в 1892 г. система управления и судов, введенная фактически при феодализме, в эпоху империализма была не просто несовремен-

ной, а вообще считалась отсталой. Власти империи это прекрасно осознавали, но все проекты реформ реализовать так и не удалось вплоть до начала революции 1917 г.

По данному Положению вся следственно-полицейская часть была сосредоточена в улусных управлениях, а сами улусные попечители имели права уездных земских исправников. Полицейский аппарат в улусах состоял из вольнонаемной стражи, нанимавшейся за счет калмыцкого общественно-го капитала. Следует заметить, что уровень преступности в Калмыцкой степи был невысок, и большей частью она была связана со скотоводством (угон скота, незаконный выпас, уклонение от налогов или арендной платы за выпас скота и т. д.). Вся «профессиональная» преступность состояла из нескольких малочисленных банд скотокрадов, для борьбы с которыми хватало полусотни стражников. Если в каких-то районах криминальная обстановка обострялась, то там могли временно организовать разбездные команды из вооружённых калмыков под руководством полицейских стражей или полицейско-сторожильные пункты. Кроме того, губернатор М. А. Газенкамф еще с конца XIX в. ввел запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [ГА РФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами.

Улусные попечители также осуществляли руководство улусными зарго, имевшими статус судов первой инстанции. Помимо самих попечителей, в состав зарго входили по два заседателя, избираемых на улусных сходах. Назначение улусных попечителей и их помощников на должности производилось по представлению заведовавшего калмыцким народом и утверждалось астраханским губернатором [ПСЗРИ-II: 359–361]. На эти посты назначались чиновники в большинстве своем не местные; калмыки попечителем или помощником попечителя никогда не назначались. Таким образом, улусные попечители совмещали в одном лице «административные, распорядительные, судебно-следственные, полицейские» функции, то есть являлись одновременно исполнительной и судебной властью, что давало почву для коррупции и разного рода других должностных преступлений.

С другой стороны, такой объем обязанностей приводил к нехватке времени для квалифицированного выполнения хотя бы одной из них. Как правило, предпочтение в работе отдавалось текущему (оперативному) управлению, а судебной деятельностью попечители занимались в свободное от этой работы время. В результате улусные суды работали не на постоянной основе и не могли оперативно отправлять правосудие, тем более на территориях площадью в десятки и даже сотни квадратных верст. При этом следует отметить, что если в административной сфере над улусами на уровне Калмыцкой степи действовало Управление калмыцким народом, возглавляемое «заведовавшим», который постоянно контролировал работу подчиненных, то в следственно-полицейской и судебной сферах аналогичные учреждения отсутствовали. Огромное количество дел было прекращено из-за отсутствия подозреваемых или за недоказанностью преступлений, что «объясняется неудовлетворительностью сыска и чрезвычайным формализмом в делопроизводстве». В ходе процесса свидетели и участники процесса фактически не были защищены от угроз внесудебного преследования. Даже если исключить возможность взяточничества судей, которое было отнюдь не редким явлением, в большинстве случаев решения выносились в пользу богачей [Очиров 2006: 68].

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. Поскольку полицейский аппарат считался одним из основных столпов царизма, то в Астраханской губернии начало революции отразилось в основном в разоружении полиции и арестах ряда полицейских чиновников. Однако в Калмыцкой степи роспуск полицейской стражи и увольнение улусных попечителей (руководителей зарго) обошелся без эксцессов подобного рода. По предложению новой власти бывший заведовавший калмыцким народом Б. Э. Криштафович «возглавил» процесс смены власти и созвал 26 марта 1917 г. съезд представителей калмыцких улусов, который должен был создать новый орган власти, имеющий опору и доверие населения степи [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 15]. Накануне съезда несколько чиновников-либералов распространили воззвание, призвав делегатов заняться вопросами реформ «в суде, в управлении, в образовании, в разрешении вопроса о земле, в

положении рабочих-калмыков, в скотоводстве, в медицине, нужно позаботиться и о родном языке в школе», продемонстрировав отличное понимание нужд калмыцкого народа и задач, стоящих перед участниками съезда [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 45]. Интересно отметить, что реформу суда они поставили на первое место, подчеркнув ее значимость и актуальность.

Съезд подтвердил уже прошедшую ликвидацию улусной полицейской стражи и принял решение о создании улусной народной милиции (по примеру столичной, хотя соответствующие положения еще не были приняты), перед которой сразу поставили задачу усиления борьбы со скопчеством. Правда, средств на формирование, обучение, вооружение милиции не дали. Б. Э. Криштафович, назначенный Временным правительством областным комиссаром, хорошо осознавал проблемы, стоящие перед правоохранительной системой Калмыцкой степи, и пытался их как-то решить. Он обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на их оплату, но поддержки не получил [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]. В состав распущенных зарго было предложено избирать новых судей на улусных сходках, причем из людей, фактически не имеющих юридического образования и опыта работы. Также было разрешено совмещать деятельность улусных исполкомов и зарго, что явно противоречило принципу разделения властей. Новые власти обещали прислать нескольких опытных следователей из Астраханского окружного суда, но так и не сделали этого. Вскоре процесс формирования новой милиции и выборов судей зарго был прерван свержением Временного правительства и приходом к власти большевиков.

Установление Советской власти в улусах из-за казачьего мятежа в Астрахани (12–25 января 1918 г.) произошло лишь в феврале 1918 г. Калмыцкая секция (позже преобразованная в Калмыцкий исполком, а в 1920 г. — КалмЦИК) Астраханского губисполкома упразднила все органы власти Временного правительства, в том числе и милицию, и уволила всех чиновников. Тем не менее, задача защиты населения и скота от бандитских налетов, количество которых начало резко возрастать, являлась одной

из наиболее актуальных. 29 марта 1918 г. председатель Эркетеневского исполкома В. И. Елин сообщил в Калмыцкую секцию, что «...в Эркетеневском улусе организована народная охрана в 30 человек (из расчета 8 человек при улусной ставке, а остальные по аймакам)» [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 42]. Такие же отряды создавались и в других улусах, включая поселок Калмыцкий Базар. Вскоре на их базе были сформированы 8 участков милиции.

Первоначально советская милиция в Калмыкии, как и по всей стране, фактически состояла из самостоятельных добровольческих отрядов, формируемых местными Советами. Они, как и их предшественники, не имели обмундирования, были плохо вооружены и не могли противостоять все более нарастающей волне бандитизма. Мало того, губернские власти подозрительно относились к калмыкам, огульно считая их контрреволюционерами из-за участия некоторых из них в казачьем мятеже, и отказывались выдавать им оружие. Представитель Наркомата внутренних дел (далее — НКВД) РСФСР А. Н. Соколов прямо заявил: «Калмыцкая степь к октябрьской революции приложилась одним боком, почему и к созданию отрядов на местах необходимо отнестись с осторожностью. Мы даем оружие только коммунистам» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 15. Л. 108].

Однако Советская власть быстро осознала необходимость профессионализации этого органа правопорядка и его воссоздания как государственной организации со штатной структурой и бюджетным финансированием. Еще в марте 1918 г. комиссар НКВД РСФСР ставил этот вопрос перед Совнаркомом. Уже 10 мая 1918 г. коллегия НКВД РСФСР приняла решение о том, что «милиция существует как постоянный штат людей, исполняющих специальные функции». А 12 октября 1918 г. НКВД и наркомат юстиции утвердили инструкцию «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции», окончательно покончившей с идеей милиции как «вооруженного народа» и закрепившей функционирование штатной профессиональной милиции в РСФСР как «исполнительного органа рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящего в непосредственном ведении местных Советов и подчиняющегося общему руководству НКВД». Управление милиции вывели из состава от-

дела местного управления НКВД РСФСР и реорганизовали в Главное управление милиции НКВД РСФСР. Аналогичные управления разворачивались в регионах, причем, согласно инструкции, все предыдущие распоряжения по этому вопросу отменялись. Основываясь на этой инструкции, Астраханский губисполком 4 ноября 1918 г. вынес постановление о реорганизации милиции по новым требованиям, направленное подотчетным отделам, в том числе Калмыцкому исполкому [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 35].

15 ноября 1918 г. Главное управление милиции НКВД РСФСР приказало названия «участок милиции» и «участковый начальник милиции», созвучные старорежимным словосочетаниям «полицейский участок» и «участковый пристав», заменить на «улусная милиция» и «улусный начальник милиции», соответственно [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 20. Л. 12].

В конце 1918 г. Калмыцкий исполком утвердил штат милиции в составе 8 районных начальников, 33 старших милиционеров и 116 младших милиционеров (всего 157 милиционеров). Для координации ее деятельности в составе Калмисполкома (в Астрахани) был образован подотдел милиции, состоявший из 4 человек: заведующего, делопроизводителя, машинистки и канцеляристки. Первым начальником калмыцкой милиции стал Д. М. Шагоров, назначенный на эту должность Калмисполкомом 27 октября 1918 г. При этом на государственном содержании находились лишь начальники милиции и старшие милиционеры; младшие милиционеры должны были содержаться на средства улуса. Однако средств у местных исполкомов в условиях гиперинфляции и развала экономики было крайне мало, поэтому на практике младшие милиционеры стали нести службу либо в качестве бесплатной повинности (от каждого аймака выдвигалось по 3 человека, сменявших друг друга по очереди), либо за счет аймаков и хотонов при наличии соответствующих ходатайств [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18. Л. 26]. В результате младшие милиционеры большей частью стали использоваться в роли ночных сторожей хотонов и аймаков. Поэтому от этой практики вскоре отказались, и младших милиционеров перевели на государственное жалованье.

Следует заметить, что милиция в Калмыкии, как и в других регионах РСФСР,

больше занималась охраной интересов Советской власти, нежели защитой личной и имущественной безопасности населения. Советские милиционеры, помимо ведения дознания по уголовным преступлениям, борьбы с «белым» и «зеленым» бандитизмом («красный» бандитизм они большей частью по вполне понятным причинам игнорировали или боролись с ним путем написания жалоб), занимались мобилизацией людей и скота для РККА, сбором (фактически конфискацией) хлеба и иных сельхозпродуктов после введения государственной монополии в рамках политики «военного коммунизма», распределением среди населения продукции, поступающей из городов, поисками дезертиров из Красной армии и т. д. [Цакиров 1972: 184, 186].

Однако в 1919 г. по мере усиления Гражданской войны происходит военизация милиции [Мулукаев 1965: 12]. Калмыкия втягивается в сферу боевых действий. Военкомы улусов становятся начальниками милиции, а милиционеры вливаются в состав улусных сотен военкоматов и начинают принимать участие в боевых действиях. Даже несмотря на это вооружение калмыцким милиционерам давали в очень малых количествах. Например, на 5 июня 1919 г. подотдел милиции Калмыцкого исполкома выдал в улусы всего 14 винтовок, 4 ящика патронов, а также 618 патронов россыпью [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–3]. При этом в улусы винтовки отпускались по принципу «что нам не гоже»: 10,4-мм Веттерли образца 1871–1872 гг., 11-мм Гра образца 1874 г., 10,67-мм Бердана образца 1868 и 1870 гг., 6,5-мм Арисака образца 1897 и 1905 гг., патроны к которым найти было крайне сложно.

После занятия белыми большей части улусов в Калмыцкой степи функционировали лишь три отделения милиции: Багацохуровский, Хошеутовский и Яндыко-Мочажный, в которых осталось 49 милиционеров, причем самых лучших и опытных забрали в улусные сотни. Летом 1919 г. был назначен новый начальник калмыцкой милиции — Мухара Мунянов, с именем которого принято связывать ее реальное формирование.

После изгнания белогвардейцев из Калмыкии и провозглашения автономии калмыцкого народа на съезде в Чилгире (на котором М. М. Мунянов был избран членом КалмЦИК) калмыцкая милиция получила

новый толчок для развития. Было создано областное управление милиции, состоявшее из 5 отделов: общего, уголовного розыска, снабжения, инспекторского, промышленной милиции (последний отдел реально не функционировал), и утвержден новый штат милиции Калмыкии в количестве 500 человек, в том числе 154 конных милиционера, распределенных по улусам. Кроме того, было принято решение о новом делении милиции по 8 районам: Приволжский (Багацохуровский, Хошеутовский, Калмбазаринский), Икицохуро-Харахусовский, Яндыковский, Эркетеневский, Малодербетовский, Большедербетовский, Манычский, Сальский¹) [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–16, 26–31].

Впрочем, несмотря на изгнание белогвардейцев, наиболее приоритетной задачей для милиции оставалась борьба с бандитизмом, теперь уже «зеленым», вызванным политикой «военного коммунизма», голодом 1921 г., перегибами нэпа. На территории Калмыкии действовали сильные «зеленые» банды, вооруженные пулеметами и даже пушками. Достаточно вспомнить банду Г. С. Маслака, состоявшую из взбунтовавшихся буденновцев 19-го Манычского кавполка РККА и овладевшую внезапно наскоком Элистой. Поэтому борьбу с бандитизмом милиция осуществляла путем прямых боевых столкновений (не всегда успешных) в традициях советского «истерна» — с длительными скачками, револьверными дуэлями и сабельными рубками.

Отдел уголовного розыска, первым начальником которого стал Борис Саввич, функционировал лишь в составе областного управления (в Астрахани) и состоял из 32 милиционеров: начальника, помощника (заместителя), инструктора, 7 старших и 16 младших сотрудников, а также 4 канцелярских сотрудников. При этом отдел мог формировать две опергруппы, к которым прикреплялись следователи, для выезда в улусы на места совершения преступлений [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 87. Л. 29]. Понятно, что эффективность расследований

¹ Согласно решению 1-го Общекалмыцкого съезда Советов, в состав Калмыцкой автономной области должны были войти калмыцкие станции Сальского округа и Ремонтненский уезд, связывающий их с основной территорией Калмыкии. Однако позже сальские калмыки отказались от вхождения в состав Калмыкии, поэтому улусную милицию в этом районе не создали.

уголовных преступлений, осуществляемых таким способом, была невелика. Эту проблему удалось решить лишь после подавления бандитизма в степи и переноса столицы Калмыкии в Элисту [Цакиров 1972: 189].

Что касается судебной системы Советской Калмыкии, то она, как и в других регионах РСФСР, была сформирована на базе трех Декретов о суде (от 24 ноября 1917 г., 7 марта 1918 г., 20 июля 1918 г.) и «Положения о народном суде РСФСР» (от 30 ноября 1918 г.) [СУ РСФСР. 1917 г. № 4. Ст. 50; 1918 г. № 26. Ст. 347; 1918 г. № 52. Ст. 589; 1918 г. № 85. Ст. 889]. В ее основе были судебные органы двух видов: ревтрибунал, созданный «для защиты завоеваний и борьбы с контрреволюционными и др. наиболее опасными для Советского государства преступлениями» [Гражданская 1983: 500], и советский народный суд, который судил остальные гражданские и уголовные дела. Совнарсуды комплектовались местными Советами, а Высшим Судебным Контролем являлся наркомат юстиции. В Калмыкии советские нарсуды были созданы на базе ранее действовавших улусных судов путем перекомплектования кадров, осуществленных местными исполкомами и/или Советами. 15 января 1920 г. Калмыцкая степь была разбита на 8 судебных улусных участков и 11 следственных участков [Судебная 2007: 65]. Судебный орган областного уровня в Калмыкии отсутствовал до 5 июля 1921 г., когда пленум КалмЦИК образовал Совет народных судей в составе председателя А. М. Амур-Санана и членов Ромашкина, Миролюбова и Грузинцева [НА РК. Ф. Р-7. Оп. 2. Д. 10. Л. 1].

Ревтрибуналы (если не считать специальных органов) создавались в региональных центрах, поэтому в Калмыкии до образования автономной области они отсутствовали. Однако уже в начале августа 1920 г. КалмЦИК сформировал областной отдел юстиции, состоявший из общего отдела и четырех подотделов: административно-хозяйственного (с февраля 1921 года), ревтрибунала (с 30 мая 1921 года), судебно-следственного (с 1921 г.), карательного и исправительно-трудового (с 1921 г.) [Судебная 2007: 65]. Областной отдел юстиции КалмЦИК выступал одновременно в роли органа следствия, обвинения, надзора за исполнением наказаний, надзора за законодательной деятельностью советских органов власти, в том числе и улусных.

Реально в компетенцию ревтрибуналов входили дела: о контрреволюционных преступлениях, спекуляции, крупных должностных преступлениях, дискредитации власти совработниками, злостных дезертирах и др. [СУ РСФСР. 1919 г. № 13. Ст. 132]. При этом судебные органы выполняли ряд функций по надзору за следствием, по государственному обвинению и др., что приводило к нарушению прав подсудимых. И если в совнарсуде в качестве общественного обвинителя мог выступать любой «неопороченный гражданин», что хотя бы теоретически давало надежду на независимость обвинения, то ревтрибуналы сами формировали следственные комиссии (или надзирали за следствием органов ЧК), выдвигали гособвинителя и судили подследственного. Разумеется, орган, одобрявший результаты следствия по обвинению подследственного или руководивший им, не был заинтересован в оправдании подсудимого, поскольку тем самым дискредитировал сам себя. Эти судебные органы не были независимыми от других ветвей власти: ревтрибуналы формировались местными Советами или их исполкомами. В своей работе члены ревтрибунала обязаны были руководствоваться декретами Советской власти, служебными инструкциями наркомата юстиции и «*революционным правосознанием*» [Гражданская 1983: 500].

Конечно, руководство советскими органами правосудия осознавало все недостатки этой системы, но объясняло ее сохранение требованиями «*революционного момента*» и условиями Гражданской войны. После ее окончания и подавления крестьянских восстаний 1921 г. внутриполитическая ситуация в стране стабилизировалась, и в 1922 г. наркомат юстиции при поддержке ВЦИК провел реформу, коренным образом изменившую систему правосудия страны. 1 июня 1922 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР. 28 мая 1922 г. ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому в составе наркомата юстиции учреждалась прокуратура, на которую возлагались функции: осуществления надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; надзора за деятельностью следственных органов

дознания, в том числе органов ГПУ; поддержания обвинения на суде; наблюдения за правильностью содержания заключенных под стражей [СУ РСФСР. 1922 г. № 36. Ст. 424].

Вскоре началась работа на местах, в том числе и в Калмыкии. Летом 1922 г. Верховный трибунал при ВЦИК телеграммой № 25188 предложил Астраханскому губернскому прокурору подобрать кандидата на должность помощника прокурора в ревтрибунале Калмыцкой автономной области из работников трибунала. 15 сентября и. о. прокурора РСФСР Н. В. Крыленко телеграммой № 718/11555 утвердил предложенную кандидатуру Д. М. Ельницкого помощником прокурора, поручив ему организацию прокуратуры Калмыкии [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2]. Следует заметить, что Ельницкий, в течение двух месяцев являвшийся единственным пом. прокурора Калмыкии (по плану предполагалось иметь в штате, помимо прокурора, 8 пом. прокурора), практически в одиночку провел объемную работу по ликвидации отдела юстиции КалмЦИК (завершена 9 октября 1922 г.) и организации нового органа правосудия. Значительная часть работников отдела юстиции (в основном, канцелярских) перешла на работу во вновь создаваемую Прокуратуру. Ревтрибунал еще продолжал функционировать, но 11 ноября ВЦИК, завершая судебную реформу 1922 г., принял «Положение о судоустройстве РСФСР», ликвидировавшее ревтрибуналы и формирующее единую судебную систему на базе совнарсудов [СУ РСФСР. 1922 г. № 69. Ст. 902].

Работу прокуратуры серьезно тормозило отсутствие облпрокурора, обладавшего полномочиями для решения многих указанных вопросов. К сожалению, выдвинутая КалмЦИК и обкомом кандидатура Г. М. Манкирова не нашла поддержки в Москве. 3 ноября приказом № 22 Прокурора РСФСР областным прокурором Калмыкии был назначен бывший заведующий расформированного Пензенского губотдела юстиции Н. М. Иванов [Справочник].

Одной из сложнейших проблем в период создания прокуратуры Калмыкии являлась организация системы правосудия в улусах. Широкие пространства, малочисленные и слабо развитые оседлые поселения, кочевой быт большей части населения значительно затрудняли ее работу. Нарследователям

приходилось делать выезды на 100–200 верст на гужевом транспорте (на лошадях и верблюдах), при этом они не всегда получали оплату для его найма — 10 руб. (вып. 1922 г.) за версту. Распутица могла вообще прервать сообщение с некоторыми участками степи. Положение ухудшали вспыхивающие «остатки бандитизма». В результате следователи не успевали прибыть к месту содержания под стражей пойманных бандитов в срок и, согласно ст. 148 Процессуального кодекса, милиционерам надо было выпустить преступников до представления следователю или нарушить закон.

Даже уже сформированная в улусах система совнарсудов во второй половине 1922 г. оказалась в состоянии кризиса после того, как наркомат юстиции РСФСР циркуляром № 52 от 22 июня перевел нарсуды и нарследователей на местный бюджет. Однако после трех лет ожесточенной Гражданской войны и голода 1921 г. *«установить какие-либо сборы с калмыцкого населения на местные нужды не представляется ни какой возможности»*. В результате имеющиеся опыт работы на местах нарсудьи, нарследователи и канцелярские работники, не получающие зарплаты, стали просить об увольнении. Объем работы у оставшихся сотрудников возрос в разы. Следователи жаловались, что *«нормальное и своевременное следствие невозможно, следственные дела затягиваются на 2–3 года и завершаются смертью обвиняемого или нераскрытия виновных... С следствие из живого дела превращается в обыкновенную переписку»* [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 48–49].

Н. М. Иванов, вступивший в должность 21 ноября, проигнорировал многие решения предшественника и 30 декабря 1922 г. приказом № 35 организовал свою структуру прокуратуры. Помимо 6 помощников прокурора в улусах, он создал еще одну ступень — 3 номерных прокурорских участка, объединявших по два «старых» участка. В 1-й участок вошли Приволжский и Яндыко-Мочажный «старые» участки, во 2-й — Малодербетовский и Манычско-Икицохуровский, в 3-й — Большедербетовский и Ремонтненский. Во главе номерных участков (сотни тысяч кв. км каждый) ставились дополнительные помощники прокурора, причем их камеры (кабинеты) находились в Астрахани, в сот-

нях километров от районов их ответственности. Над вопросом, как руководители номерных участков должны управлять работой на местах в условиях отсутствия финансов на транспортные расходы и телеграфной связи, прокурор явно не задумывался. В новый штат Калмыцкой областной прокуратуры входили: прокурор, 5 помощников (губернских), 6 помощников (уездных), секретарь с двумя помощниками, счетовод, архивариус, статистик, 3 старших делопроизводителя, 3 машинистки, журналистка, сотрудник по хозяйству, кучер и 3 курьера [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 65]. Как видно, предложенный штат был перегружен секретаршами и курьерами, а в документах «ивановского» периода упоминаются многочисленные «книжки» и «наряды», которые должны были вестись бюрократами.

В то же время прокуратура структурно состояла из трех отделений — общего надзора; организации обвинения; надзора над следствием и дознанием, — также укомплектованных канцелярскими работниками. Логичнее было бы поставить во главе каждого из них помощников прокурора, например, за счет расформирования явно лишней структуры номерных участков, от которой вскоре отказались. Не смог Иванов и наладить связи с местной советской элитой. Неудивительно, что почти через 5 месяцев (30 марта 1923 г.) его заменили на А. С. Григорьева — бывшего прокурора Царицынской губернии. Однако новый «варяг» прослужил в этой должности 3 с лишним месяца и был переведен в Череповец. Только тогда областным прокурором назначили Галзана Манкирова, занимавшего эту должность почти 6 лет. Под его руководством завершился процесс становления прокуратуры Калмыкии, была развернута система прокурорского надзора в районах (причем на базе улусов, а не искусственно сконструированных участков), осуществлен перевод прокуратуры в новую столицу Калмыкии — Элисту.

Судебная реформа 1922 г. коснулась и самих судов. 22 декабря 1922 г. КалмЦИК утвердил решение совместной коллегии ревтрибунала, прокуратуры, совета судей от 15 декабря об образовании Калмыцкого областного суда. В январе 1923 г. Совет народных судей был упразднен, а его функции перешли к Калмыцкому областному суду. Первым председателем облсуда стал

У. Л. Лавгаев, у которого было два заместителя (по уголовным и гражданским делам). Вместе они составляли Президиум. Областной суд состоял из двух отделов — гражданского и уголовного, каждый из которых делился на два отделения — судебское и кассационное. В отделении было по два члена коллегии (всего 8 человек). 3 члена Президиума и 8 членов Коллегии составляли Пленум областного суда. Также были созданы нотариат, следственная часть (из 6 старших следователей), общеканцелярская часть (не считая секретарей при отделах и отделениях), инструкторско-ревизионное отделение, бухгалтерия, хозяйственное отделение, комендантская часть [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 31]. В улусах были созданы 8 судебно-следственных участков¹ со следующим штатом: нарсудья с помощником (заместителем), нарследователь с помощником (заместителем), два канцелярских работника и судебный исполнитель [Судебная 2007: 66].

После образования Калмыцкой автономной области в Астрахани был также создан и региональный орган государственной безопасности Калмыкии. Сначала 4 июля 1921 г. приказом № 192 ВЧК было создано Калмыцкое отделение в составе секретно-оперативной части (далее — СОЧ) Астраханской губЧК «в целях борьбы с государственными преступлениями на территории Калмыцкой автономной области» и улусные политические бюро (по одному бюро на два улуса). Начальником Калмыцкого отделения стал Борис Кантер. В штат Астраханской ГубЧК вводились два инспектора-организатора по делам Калмыцкой области [Во имя безопасности 2005: 35–36]. 10 июля 1922 г. Калмыцкое отделение СОЧ Астраханского губернского отдела ГПУ и улусные бюро были развернуты в самостоятельный областной отдел ГПУ Калмыцкой автономной области. Первым руководителем Калмыцкого областного отдела ГПУ стал Валериан Саввич [Во имя безопасности 2005: 36].

К сожалению, поиск в архивах информации о работе Б. Кантера и В. Л. Саввича не позволил выявить какие-либо следы их деятельности. Известно, что осенью 1922 г. приказы, запросы, ордера на аресты подписывал зам. начальника Калмотдела ГПУ,

начальник СОЧ Назаров, причем некоторые документы он подписывал как начальник облотдела [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 2, 34, 48; Д. 15. Л. 68–69об.]. Можно предположить, что замены на этом посту В. Л. Саввича и И. С. Ларисова-Лукьянца, отработавших всего по 13 месяцев [Очиров 2015: 148–149], не были случайностью.

Условия работы, осложненные природно-географическими и социально-экономическими особенностями Калмыцкой степи, для чекистов, многие из которых плохо знали специфику региона, были нелегкими. Большую часть работы, в том числе и по борьбе с контрреволюцией, они осуществляли в Астрахани и не очень активно занимались полевой работой в улусах. В этом отношении они мало чем отличались от представителей других правоохранительных органов Калмыкии: отдела юстиции КалмЦИК, ревтрибунала, прокуратуры и др. Эффективность и интенсивность работы этого органа, даже если сделать «скидку» на трудности переходного периода, следует признать не очень высокими. Неудивительно, что основную тяжесть борьбы с «политическим бандитизмом» — наибольшей и самой актуальной угрозой безопасности государства — несли улусные сотни, отряды ЧОН и эскадрон (затем дивизион) ВЧК-ГПУ, состоявшие большей частью из местных жителей и ветеранов РККА. Только с появлением в Калмыцком отделе ОГПУ таких работников, как И. И. Тенис, В. А. Брузгулис, В. Далингер, которые не боялись ездить в улусы, опирались на совпартработников и активно привлекали местные кадры, эффективность органов госбезопасности стала заметно усиливаться.

Таким образом, правоохранительные и судебные органы Калмыкии в ходе революции и Гражданской войны подверглись коренному реформированию и развивались с большими сложностями, обусловленными боевыми действиями, природно-географическими и социально-экономическими факторами. Даже после завершения Гражданской войны процесс развития правоохранительной системы шел замедленными темпами. Лишь после проведения судебной реформы 1922 г. сеть правоохранительных и судебных органов Калмыкии стала работать эффективно.

¹ Включая Ремонтненский и Заветнинский участки, охватывавшие районы, в 1923 г. выведенные из состава Калмыкии.

Источники

- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
 НА КИГИ РАН – Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
 НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
 ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXII. Отделение первое. 1847. СПб., 1848.
 СУ РСФСР. 1917–1918 гг. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с. (СУ РСФСР. 1917–1918 гг.).
 СУ РСФСР. 1919 г. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с. (СУ РСФСР. 1919 г.).
 СУ РСФСР. 1922 г. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1950. 1932 с. (СУ РСФСР. 1922 г.).

Литература

- Во имя безопасности России. Элиста: УФСБ РФ по Республике Калмыкия, 2005. 288 с.
 Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1983. 702 с.
 Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И. Великий Октябрь и Гражданская война в

Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

- Мулукаев Р. С. Советская милиция и ИТУ: Материалы к курсу лекций по истории государства и права СССР. М.: ВШ МООН РСФСР, 1965. 45 с.
 Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2006. 448 с.
 Очиров У. Б. Руководители органов госбезопасности Калмыкии в 1921–1943 гг. // Вклад регионов и народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Элиста, 23–25 апреля 2015 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 147–152.
 Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринт. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII+6 с.
 Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс] // http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp (дата обращения: 2.07.2015 г.).
 Судебная система Республики Калмыкия (1922–2007 гг.). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2007. 176 с.
 Цакиров В. Г. Из истории образования и деятельности милиции в Калмыцкой степи (1918–1921 гг.) // Вестник института [КНИИЯЛИ]. № 6. Сер. истории. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. С. 183–192.

Sources

- [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1917–1918]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1942. 1483 p. (In Russ.)
 [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1919]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1943. 886 p. (In Russ.)
 [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1922]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1950. 1932 p. (In Russ.)
 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XXII. Part One: 1847. St. Petersburg, 1848. (In Russ.)
 National Archive of the Republic of Kalmykia.
 Scientific Archive, Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS.
 State Archive of the Russian Federation.

References

- [Communist Party of the Soviet Union: Historical Reference Book, 1898–1991]. Available at: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp (accessed: July 2, 2015). (In Russ.)
 [Court System of the Republic of Kalmykia: 1922–2007]. Elista: Dzhangar, 2007. 176 p. (In Russ.)
 [In the Name of Russia's Security]. Elista: Kalmykia

Office of Federal Security Service, 2005. 288 p. (In Russ.)

- [Russian Civil War and Allied Intervention: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 702 p. (In Russ.)
 Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov I. I. [The Great October (Revolution) and Russian Civil War in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1968. 148 p. (In Russ.)
 Mulukaev R. S. [Soviet Militia and Correctional Labor Facilities]. Supplement to a course book on the history of Soviet state and law. Moscow: RSFSR Ministry of Public Order Enforcement University Press, 1965. 45 p. (In Russ.)
 Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
 Ochirov U. B. Executives of state security agencies in Kalmykia: 1921–1943. In: [Regions and Peoples of South Russia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Their Impact in the Victory]. Conf. proc. (Elista; April 23–25, 2015). Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 147–152. (In Russ.)
 Prozritelev G. N. [Military Past of Our Kalmyks]. 2nd ed., reprint. Elista: Sanan, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII+6 p. (In Russ.)
 Tsakirov V. G. Establishment and activities of militia in Kalmyk Steppe: glimpses of history, 1918–1921. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Newsletter]. Vol. 6. Ser. 'History'. Elista: KRILLH, 1972. Pp. 183–192. (In Russ.)